АНАТОЛИЙ ВЕЛИЧКОВСКИЙ

НЕРУКОТВОРНЫЙ СВЕТ

СТИХИ

ПАРИЖ
1981

А. Е. Величковский, Булонь 27. 11. 1974. Фотография Р. Ю. Герра.

А. Е. Величковский, Ю. П. Иваск и Р. Ю. Герра

фотография Н. В. Ровской, Булонь 16. 10. 1980

АНАТОЛИЙ ВЕЛИЧКОВСКИЙ

Нерукотворный свет

СТИХИ

Предисловие Ю. П. ИВАСКА

Послесловие Р. Ю. ГЕРРА

ПАРИЖ

1981

Издательство « Альбатрос » Париж

Тираж 200 экземпляров
из них 20 нумерованных

Обложка работы художника **С. Л. Голлербаха**

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

«Лицом к лицу». Стихи, Париж 1952
«Богатый». Повесть, Париж 1972
«С бору по сосенке». Стихи, Париж 1974
«О постороннем». Стихи, Париж 1979

Склад издания: M. René Guerra.
37, rue du Fort. 92130 Issy-les-Moulineaux
FRANCE

Анатолия Величковского можно назвать парижским поэтом не потому, что он долго жил в Париже. Он русский парижанин — по своей близости к другим, уже почти вымершим русским поэтам-парижанам. Кое-что сближает его поэзию с т. н. «парижской нотой», с поэтами из окружения Георгия Адамовича: простота в изложении, недоверие к риторике и к авангардным экспериментам. Величковского, несомненно, привлекал Владислав Ходасевич — антипод Адамовича и его поклонников. Ходасевич был тоже мрачным пессимистом видел суету, жестокость бессмысленность, но в противоположность «парижско-нотным» поэтам, не разочаровывался в искусстве, ценил мастерство и свой скепсис, иронию заключал в чеканные стихи. Вот строфа, написанная Величковским в ключе Ходасевича:

Везде поэзия и проза,
Вот я смотрю на облака,
Одно изображает розу,
Другое голову быка.

Правда, таких чеканных стихов у Величковского немного. Он и не стремился к совершенству, а к чему-то другому: ждал чуда и иногда приближался к нему в поэзии.

Творчество Величковского не сразу приоткрывается и требует прилежного внимания. Он иногда высоко поднимался, взлетал, но после длинного разбега. Вот одно и его самых замечательных стихотворений (Не правда-ли жара сильнее) с примечанием — «написано в городе Виши.» В первых строфах ничего особенного, только поэтичное описание летнего дня: сверканье солнца, голубая дама, четыре лебедя... Но какой взлет в последней строфе:

Все видимое мной любимо
За то, что вместе мы пришли
Из далей неисповедимых,
Нездешней, может быть, земли.

Так Величковский смело, свободно отдается наитию и поет гимн миру, вместе с ним «пришедшему» из другого. (То есть, значит все мы метафизического происхождения). Здесь тоже мистическое озарение, что и у Достоевського. Это не только мистика, но и высокая поэзия. Какое здесь слышится царственное провозглашение, какое торжественное свидетельство истины, открывшейся поэту. Это лирическое чудо. Отмечу и счастливые созвучия и плавность в первой строке: Все видимое мной любимо...

Не так уж часто, но всегда незаметно-скромно, целомудренно соприкасается поэт с божественными тайнами мира и тогда видится ему «нерукотворный свет» (как назвал он эту книгу, изданную уже после его смерти). Еще одна прекрасная метафизическая строка:

«Лишь его, едва заметный трепет
Слышится в глубокой тишине.
Вездесущий через этот лепет
О Себе напоминает мне.

Это не чуждый христианству пантеизм. Есть здесь живое ощущение Бога в Природе, но Бог с природой не отождествляются.

С благодарностью и радостным удивлением перечитываю все четыре книги Анатолия Величковского. Все его лучшие стихи понемногу сливаются в единый, но с разными вариантами, «великий драгоценный шум» (так он сам определил поэзию). Это и «сердечная музыка» в стихах, обращенных к жене или посвященных памяти любимых собак, но это и диссонанс в тревоге, ропоте (крик сыча), а также и тихое одиночество, (когда я сам себе товарищ). Слышатся и искушающие голоса — «не верю в Бога», но с признанием, «не верю, но хочу...» и тут же звучат гимны и вспыхивает тот «нерукотворный свет». Было Величковскому что сказать и что спеть. Слышу эти его строки:

Говорится — «побежденным горе»,
Но поется — «горе — не беда».

Он чувствовал себя побежденным, отмеренной ему судьбой, но, как настоящий поэт, находил в себе лирическую силу петь не только о горестях, но и о радостях. Хочется, увы, посмертно поблагодарить его за «драгоценный шум» стихов.

Я познакомился с Анатолием Величковским лет двадцать тому назад в Париже, но это была мимолетная встреча. Во второй и последний раз я видел его там же, осенью прошлого года. Меня привез к нему, наш общий друг Р. Ю. Герра.

Крутая лестница. Тесное помещение под самой крышей. На широком диване, обложенный подушками — величественный старец, если не по летам, то по виду. Был он тогда уже сильно болен. Кого он напомнил? Короля Лира? Нет, скорее князя Меньшикова в сибирском Березове: уже не «счастья баловень», не «полудержавный властелин» а смирившийся изгнанник... Длинный нос, с горбинкой, высокий лоб, нависшие седые брови, густая грива... Внимательные умно-печальные глаза. В них тоска и будто вопрос: что нас ждет всех «там»? Тихий голос. Ему трудно говорить. Он задыхается... Было жаль Анатолия Евгеньевича, но и охватывало восхищение его тронутой морозом серебристой осенью...

Помнится, я говорил ему, и вполне искренно: «Как и многие другие поэты, писатели, вы, А. Е. в поэзии молодеете, растете! Вспомним Б. К. Зайцева, ведь он написал свой лучший рассказ «Река времен», когда ему было за восемьдесят! Так что не сдавайтесь, живите, пишите». Но жить ему оставалось только несколько месяцев...

Ю. Иваск
16. 9. 81

ПОСВЯЩАЕТСЯ МОЕЙ ЖЕНЕ

* * *

Создания рабочих рук
Гремят с восхода до захода,
И постоянный этот звук
Людьми воспринят, как свобода.
И потому, когда сильней
Живая защебечет птица —
У озабоченных людей
Болезненно темнеют лица.
Откуда же возьмется слух
У композитора, поэта?
Ведь царствует тлетворный дух
Руками созданного света.

* * *

Как звезды в черной синеве,
Роса искрится на траве,
Одна росинка-светлячек
Во тьме светящийся зрачек —
Гипнотизирует меня
Сияньем звездного огня,
И превращает сад ночной
В победу неба над землей.
В волшебном уголке земном
Осыпан лунным серебром,
Я чудом тайны окружен
С земли, с небес, со всех сторон!
Но средь земного бытия —
Всего таинственнее — я.

* * *

à M-me Nicole Vidal

Молитву из «Тоски» исполнили вы
Художественно, первоклассно,
Но голос блестящий и солнце, увы,
Наш мир озарят и погаснут...
Красиво задуманный небом закат,
И голос, смолкающий в зале,
Среди постоянного мира утрат, —
Источники той же печали.
Когда, на прощанье взлетев, «си бемоль»
Меня одарило сияньем —
Луч солнца померк... Я почувствовал боль —
Двойную тоску расставанья.

1977 год

«ДРОЗДОВКА»

М. В. Леонтовичу

В кустах смородины
Дрозды свистят,
Кусочек родины
Дроздовский сад.
Цветы сирени
Срезает дед,
А новой смены
Дроздовцам нет.
Где жизнь былая,
Кому цветы?
Где Русь святая?
Кресты... кресты...
Всему на свете
Один ответ:
Развеет ветер
Последний след.
Идущий мимо
Еще прочтет:
«Дроздовка» — имя
Гнилых ворот.

«Белые Дрозды» — дача, купленная вначале эмиграции дроздовцами, возле поселка «Куаньер», недалеко от Парижа.

* * *

В сыром, холодном городе,
Где каждый дом продрог,
Сквозь дождевые бороды
Луч солнечный прижог —
Каштаны в сквере каменном,
Они, блестя дождем,
Покрыты первым пламенем,
Как — будто колпаком.
Вода на листья плавится,
Вся улица горит,
Дрозду погода нравится,
Он весело свистит.
Я выхожу на улицу,
В душе лучи поют,
Но вновь погода хмурится,
И холод тут — как тут.

* * *

Пыланьем стали освещенный путь
От проклятой поэтами могилы,
Нам не дает ни пикнуть, ни вздохнуть,
И тащит в ночь, как роковая сила.

18 Ноября 1980 г.

* * *

Люблю людей искусства я,
Они, как пуговицы в платье,
А вот «эклер» — он, как змея
Пасть закрывает при нажатьи.
И ты, проглоченный змеей,
Стоишь испуганный, дрожащий,
А техник моды молодой
Смеется гулко над пропащим.

* * *

Очень, может быть, приятна
Древне-русская опрятность,
Что по-русски, то по-русски,
После баньки чай в прикуску.
Хорошо чайку попить,
О любви поговорить,
Побеседовать о Боге,
Осудить неверье строго,
Понимать, что все проходит,
Глаз с тебя судьба не сводит,
С ней борись иль не борись,
А уж лучше спать ложись.
О житейской канители,
Рассуждай в своей постели,
До чего мелка, тупа
Канительная крупа!
Жизнь проверь, как кошелек,
Повернись на правый бок,
Урони тетрадь на землю,
Пусть тебя Морфей объемлет...

3 Ноября 1980 г.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

(В старом мире)

Стихи для Александра Герра

Собора купол сахарный
Блестит огнем малиновым,
В проулке черепахами
Вползают тени длинные.
А солнышко морозное
Багровым стало к вечеру,
Стоят деревья с розовым
Мороженым на веточках.
Лошадки в красных венчиках,
Взрывая снег подковками
Под музыку бубенчиков
Везут народ с обновками.
Летят за ними шарики
Воздушные на ниточках,
Зажглись уже фонарики
Над мостовыми взрытыми.
Лампадочки да свечечки
На окнах отражаются,
Дрова пылают в печечках —
Сочельник начинается.

ШУТКА

Когда у меня мало денег
Я никому не люб,
Кто бедняка оценит?
Беден? Так значит глуп.
Когда у меня денег много —
Лесть прокоптит потолок.
Просьбу имею к Богу —
Дай мне пустой кошелек.

* * *

В который раз свою машинку
Я новым зарядил листом
И сколько раз уже снежинка
Порхает за моим окном?
Она кружилась и белела,
Едва не тронула карниз,
Вдруг выше, выше полетела
И бросилась, с размаха, вниз...
Так, очевидно, потрясенье
Присуще на земле всему,
Оно вошло в стихотворенье
И кануло навек во тьму.
Не жутко ли, когда ночная
С земли, подобная цветку,
Ползет Медведица Большая
По мировому потолку?
Быть может только с той же целью
Чтоб я опять, через, очки,
Поставил точку безпределью
И с новой начинал строки?

* * *

Везде поэзия и проза,
Вот я смотрю на облака,
Одно изображает розу,
Другое голову быка.
И капельки воды, как просо
В зеркальном воздухе летят,
Уже о солнце нет вопроса,
Сквозь ветви молнии блестят
И вспыхивает мокрый сад.
О, как прекрасен дождик летний,
Я повернул к нему лицо —
И вижу, как на дуб столетний
Наткнулось радуги кольцо.

21-8 1979 года

* * *

По радио опять передают
Певцов, когда то знаменитых, пенье,
Которое, как звукоотраженье,
В царапинах нашло себе приют.
Певцы в земле, их голоса поют,
Повременить до мертвых воскресенья
Не нужно им. Уходят поколенья,
Бессмертные пластинки не гниют.
Чуть пуговка включателя нажата —
Уже гремит победная кантата!
Не легкий труд искусство оживлять
Умеем мы, технически, на диво,
Но может быть, кощунство воскрешать.
Тех голоса, чьи души молчаливы?

* * *

Куда не глянь — автомобиль —
Уже торчит. О, будь ты проклят!
Пейзаж утрачивает стиль,
Так, словно чей то дикий оклик
Ворвался в пение земли.
И сразу пошлость и банальность
В состав творения вошли
И воздух стал индустриальным.
Как чувства лучшие спасти?
И в этой летней благодати
И лес, и поле перейти
Без раздражительных проклятий?

* * *

Когда в зеленой тишине,
Резвясь, взыграет ветер сильный
И треплет радостно на мне
Мой дождевик дорожно-пыльный,
Я чувствую в себе порыв,
Он раздувается, как пламя,
Мне хочется, себя забыв,
Весь мир прижать к груди руками!
И начинает грудь болеть
И весь, как бы наполнен шумом,
Я начинаю дико петь,
В какой то радости безумной!
Внимает лес, поля, трава,
Моим восторгам и моленьям,
И вырываются слова,
Как искры яркого горенья,
Но им дано сгореть в огне,
Их разгоняет ветер сильный,
И треплет радостно на мне
Мой дождевик дорожно-пыльный.

В ПАРКЕ ГОРОДА ВИШИ

Не правда ли, жара сильнее?
В толпе спросили. Между тем
Я снял фуфайку и в алее
Сел на скамейку, а затем
Нашел работу для поэта;
И превращаються в слова,
Сверканье солнца и при этом
Деревья, публика, трава,
А также дама голубая,
Заросший безнадзорно пруд,
Где шеи гордо изгибая
Четыре лебедя плывут.
Бросаю им кусочки хлеба,
У теней верб береговых
В зеркальном отраженьи неба
Белеют отраженья их.
А ветерок деревья гладит,
По летнему листва шумит...
Не так ли мой далекий прадед
Бывало у пруда сидит?
Но жизнь прошла, а небо длится
И при знакомом ветерке
О прошлом дума шевелится,
Как тень от листьев на песке...
Все видимое мной любимо
За то, что вместе мы пришли
Из далей неисповедимых
Не здешней, может быть, земли...

* * *

Лишь один листок на всей осине
Шевелится, остальные спят.
Сад наполнен запахом малины,
Бабочки недвижные сидят.
Кое-где вонзаются в прохладу
Стрелы солнца, словно в темный грот.
Ветерок качнет вершины сада,
Но листок один лишь оживет.
Лишь его, едва заметный трепет
Слышится в глубокой тишине,
Вездесущий, через этот лепет,
О Себе напоминает мне...

* * *

ПОЛЕСЬЕ

Кофейно темная вода,
Лягушки смотрят из пруда,
Заквакали сначала три,
Раздув на жабрах пузыри.
Но вот вступает в разговор
Хороший лягушиный хор,
Не выдавая тайн болот,
О чем то сказочном поет.
Березы в зеркало глядясь,
Лягушек слушают, склонясь,
А над березами луна
В задумчивость погружена.
На крыше аист- часовой
Заснул, объятый тишиной.

БАЛЛАДА

Подсолнечник природа
Так создала, что он
С восхода до захода
Весь к солнцу обращен
За дни погоды ясной
Он солнце жадно пил
И постепенно в масло
Сиянье превратил...
Не замечают чуда,
Кто за столом сидит,
А винегрет на блюде
Весь золотом полит!
В приправе винегрета
Не виден мир иной,
Но вот стихи поэта
Лежат перед тобой.

ЗАСУХА

Все жарче, жарче. Я иду.
Свет солнца на вершинах дремлет
В сухом, безрадостном саду,
Деревья поздний сон объемлет.
Им просыпаться нет нужды
Покрыты листья пылью черной
С небес ни капельки воды,
Их будет солнце жечь под корни.
Под ними выжжена трава,
Над ними грозная, сухая
Безоблачная синева,
До непонятности чужая.
Взволнованные птицы бьют
Тревогу всеми голосами
И замирают, словно ждут,
Прислушиваясь... За горами
Как будто дальний гром гремит
Я тоже слышу — неужели?
Но это самолет летит
И белый след по небу стелет.

Август 1976 года

* * *

Иду во тьме на свет янтарный,
И, приближаясь к алтарю,
Свободно, нежно, благодарно,
С отцом о прошлом говорю.
Я прежде был на редкость сдержан,
С отцом среди житейских дел,
Так задушевно, просто, нежно
С ним разговаривать не смел.
Моя любовь не ждет ответа,
Из тайников души моей,
Теперь в пустое место света
Лью утаённых чувств елей.

* * *

В. Ф. Перелешину

Бумага терпит все. В странице
Я сделал прорези для глаз,
И вижу, как в немой столице
Вздымает вихри снежный час...
Бредут в слепую, друг за другом,
В сугробах вязнут их стопы,
Свирепствует ночная вьюга,
А ниже, впереди толпы,
Идет и машет красным флагом,
В венце из белоснежных роз,
Гордясь революционным шагом,
Майора Ковалева нос.....

* * *

Апостолов, Марии, Спаса
Все лики списаны с лица,
Среди икон иконостаса
Не видно Господа-Творца.
Лишь высоко, где купол храма
Едва заметно освещен,
Весь окруженный облаками,
Седой старик изображен.
Но Тот, Кто в глину душу вдунул,
И звездную раскинул сеть,
Природу сделал вечно юной
Ужели может постареть?

* * *

Теперь в одиннадцать часов
Уже довольно жарко,
Не видно в небе облаков,
А вот, в стихах помарки.
Открою и закрою дверь
И время убежало,
И то, что я назвал «теперь»
Уже прошедшим стало.
Пройдет и этот летний день,
Исчезнет, словно не был.
Стихи останутся, как тень
Безоблачного неба...
О, если бы стихи мои
Как летний день сияли
Так, чтобы голуби твои
Из рук зерно клевали.

* * *

Р. Ю. Герра

Уже рожденья где-то ждет трава,
Что вырастит на будущих могилах.
В безмолвии уже живут слова
Исполненные чудотворной силы.
Не знаю, как подняться мне с колен,
Всем ростом встать перед веками,
Россией будет ли благославен
Путь пройденный, когда то, нами,
Когда одни, чужие всей вселенной,
Мы звали мир на путь борьбы священной?

* * *

Что-ж, пожалуй, человеку
Спячка зимняя нужна,
Скоро, в двадцать первом веке,
Будет вытяжка одна —
Из медведей добываться,
И Адамовы сыны
Будут скопом усыпляться
С октября и до весны.
И на целом Божьем свете
Воцарится тишина,
Станут чище — небо, ветер
И морская глубина.
Так добьются люди цели
И построят рай земной.
Всем известно, что в постели
Каждый гражданин святой.

* * *

У депутатов разговор
О мире, равенстве... свободе...
А люди из подземных нор
Толпой на улицы выходят.
Среди шагающих мужчин
Порхают женщины на спицах,
Вот быстроходный гражданин
Другого обогнать стремится.
У всех портфели и дела,
А также кошельки в карманах,
Над ними утренняя мгла,
Дождь, ветер холод и туманы.
Вдобавок, дар самих людей —
Моторный рев и гарь бензина,
И похищения детей,
Убийств и грабежей картины;
Там старушенке пятки жгли,
Жандарма где то застрелили,
В реке какой то труп нашли,
Поймали в парке крокодила...
А в общем, что и говорить
В бюро, на фабрике, в квартире
Есть все, чем можно дорожить
В механизированном мире.

На ус, конечно, намотал
Как говорилось часто прежде —
Тот, кто стихи мои читал,
Что не в механике надежда.

5 Ноября 1980 г.

СТАРОЕ

Усиливая пропаганду,
Выводят немцы на экран
Красноармейцев пленных банду,
Перед толпою парижан.
О, да, конечно, этим сбродом
Европу можно напугать,
Так, что б защитником народов
Глазам испуганным предстать.
Таких пусти в Париж, попробуй,
Они пощады не дадут,
Три четверти людей угробят,
Ограбят всех и разнесут!..
Смотри на них, какие лица,
Когда оружья нет в руках,
Рабы готовы повалиться,
Валяться у врага в ногах,
Все без сапог, грязны, забиты,
Одеты в жалкое тряпье,
Где порван материал защитный
Нигде невидимо белье.
Концы бинтов качает ветер,
На марле выступила кровь...
Россия, как мне жить на свете?
Россия, вечная любовь!

1940 год

СНЕГ

Дорог не видно в трех шагах,
Снежинки, словно пух порхают
И неожиданно, в глазах,
Свое порханье прекращают.
В лесу дорожки, ветки, пни,
Все новой белизной покрыто
Как бы для новой пачкотни
Страница чистая открыта.
А там, за лесом, широко
Заря вечерняя пылает
И светом розовым легко
Пух на деревьях озаряет.
Кусты, как страусы стоят,
Деревья, словно дым и слезы,
Сосульки звонкие висят
В сединах спутанных мороза.

* * *

Лес после дождика спешит
Сушиться солнцем, словно губкой,
А дровосек уже стоит,
Он будет заниматься рубкой.
Противно затрещит мотор,
И приведет пилу в движенье,
И будет видеть стройный бор
Своих товарищей паденье.
Взревет пила и новый пень
Появится с другими рядом,
С печальным шумом целый день
Деревья будут падать, падать...
С такой работой сотни пил
Управиться могли-б едва ли,
Теперь одной хватает сил —
И к вечеру весь лес повален.
Ум ограниченный в длину
Воспримет это с восхищеньем,
Ручные пилы в старину
Давали время пополненью.

* * *

Деревья бодро зашумели,
Как призраки теперь они,
Во тьме внезапно просветлели,
Бледнее стали простыни.
Есть нечто родственное счастью
Во влажном запахе земли,
И я у запаха во власти,
Беру из дождевой пыли
Всю свежесть воздуха и чую
Прикосновение лица —
К истокам жизни. И целую
Одежду моего Творца.

ВОЕННОЕ ВРЕМЯ 41 ГОДА

Деревья ожидают зелени.
Пустынна Сена. Безлюдна пристань.
Дома не покрашены, не побелены,
Город истерзан, город расхристан.
Подхожу, неспеша, к знакомому дому,
Начал подниматься по лестнице.
Кто-то рассыпал везде солому,
Сквозь прорубь крыши-профиль месяца.
На стенах серые гнезда паучьи,
Летучие мыши в центре города.
Первой молодости разве не лучше
Выпала мве вторая молодость?

* * *

Р. Ю. Герра

К нам прислан узурпатор,
Как видно, за грехи:
Машина ординатор
Работает стихи,
Он изменяет нравы
И давит на Парнас
Ему не нужны, право,
Ни музы, ни Пегас.
И скоро безработных —
Поэтов — пруд пруди!
Они же беззаботно
Ждут славы впереди.

* * *

Тень капель на мои тетради —
Бросает солнце сквозь окно.
На тени этих капель глядя —
Я вижу как отражено
Здесь на бумаге указанье —
На то, что туча разошлась,
О, если б так в мои писанья
Иная сила ворвалась...
Слова, как тени капель этих
Могли бы оттого темнеть,
Что луч обещанного света
Прорвался сквозь густую сеть.

ПРО ДАДАШКУ

(Из прошлого)

Меня, невольно, поражает
Невинных глаз прекрасный свет,
Но этого она не знает,
Тщеславья у Дадашки нет.
Когда, гуляя, мы встречаем
Людей, давно знакомых нам,
Она не очень доверяет
Улыбкам, ласке и словам.
И если я ее цепочку
Передаю кому-нибудь
Она, как истинная дочка
Ко мне бросается на грудь,
Старается лизнуть мне руку,
В ее глазах мольба, упрек,
И даже выражает муку
Ее испуганный зрачек.
Когда, кончая шутку эту
Я поводок беру назад,
Весельем и восторгом светит
Ее собачий, чудный взгляд,
И хвостик куценький с помпоном
Виляет все быстрей, быстрей...
Жизнь по неписанным законам —
Была бы проще, веселей...

* * *

Е. А. Герра

Подросток девочка промчалась
Мурлыча песенку (на не по росту
Большом велосипеде).
И песню увезла с собой.
Иду, постукивая палкой,
И только этот стук и слышу.
А день вокруг стоит такой,
Что вслушавшись в него я мог бы
Не знаю чем, но чем-то новым стать
Во всяком случае не человеком,
Не ангелом, не обезьяной...
Скорей всего, я мог бы превратиться
В ничто и стать ничем.
И потому я только слышу:
Стук сучковатой палки,
Стук каблуков да шелест гравия.

* * *

Люблю живую красоту:
Букашек, птиц, зверей, растений.
Сегодня подвязал к кусту
Надломленную ветвь сирени.
Есть в старости глухой мотив:
Чрезмерно искренняя жалость.
Она живет без перспектив —
Как и ее сестра — усталость.

В БУЛОНСКОМ ЛЕСУ

Осталось несколько могил,
Кто в них лежит давно забыты,
Забыт и тот, кто хоронил,
Молчат и каменные плиты.
Исчезли, стерлись имена,
Дни похорон и дни рождений.
За два, три века письмена
Сошли с гранита, словно тени.
Я вижу, беспредельна тьма,
В которую уходит вечность,
О, как легко сойти с ума,
Воображая безконечность!
Я пробую вообразить,
Как в безконечные зеркала,
Уходит мысленная нить,
В безплодных поисках начала,
Мой мысленный доходит взгляд
Не знаю до какой границы,
И возвращается назад,
Как обессиленная птица...
Как ограничен разум мой,
Воображая безконечность
Я только обвожу чертой
Свою земную человечность.
Когда б, переступив порог,
Я не вернул оттуда думы.
Узнать бы никогда не мог,
О том, что в прежней жизни умер

* * *

Т. А. Величковской

Солнце постепенно выплывало,
Горизонт еще не перешло.
В небеса, как в море погружало,
Длинный луч, похожий на весло.
Рядом с первым выросло второе,
Целый веер выростал лучей,
Небо бледно-серое ночное
Делалось светлей и розовей.
Тополя собрались в путь дорогу,
Шлемы чистым золотом горят
Барабанщик-аист бьет тревогу,
Переходит горизонт заря.
Утренних лучей прикосновенья —
Нет нежнее ласки на земле!
Ароматом полнятся растенья
В этом первом, женственном тепле.

* * *

Почти бесшумно дождик скучный
Дробится на стекле окна,
Боятся серенькие тучи
Природу разбудить от сна.
Не нарушают капли, сеясь,
Безжизненную тишину.
Кто, кроме гроз могучих смеет
На сцену вывести весну?
И я боюсь... Мне тоже страшно...

* * *

Пронзили тучу две иглы,
И в тоже самое мгновенье
Деревья сделались теплы,
И в этом дивном озареньи
Я замер, как воскресший шмель,
Теплом разбужен оживает,
Летит сквозь сумрачный апрель
И встретив солнце, замирает.
Лучи гурьбой восток прожгли
И заиграло! Заблестело!
Они меня обволакли,
Как шмель, отогреваю тело...
Темнеет солнце... Вновь светло!
Нет ни следа вчерашней бури,
В блестящей, звонкой, как стекло
Весенней, радостной лазури.

* * *

Из прошлого выходят тени,
Они совсем не ахти что:
Стоит в прихожей старый веник,
Висит на вешалке пальто...
А ты всю жизнь провел, не зная
Что носишь в памяти своей,
И вдруг внезапно возникает
В глазах виденье прошлых дней:
Висит пальто, а ниже веник...
На этом и порвалась нить.
А что за дом, какие стены,
Я не могу восстановить.

Ноябрь 1980 г.

* * *

Сидит неведомая личность,
На белом камне, ждет звезды,
И отражается частично
В вечернем зеркале воды.
Звезду увидев, с камня встанет
Печально, тяжело вздохнет,
Перчатки на руки натянет,
Бесшумно в темноту уйдет.
Займет пустое место воздух,
И будет отражать вода,
Пустынный берег, небо, звезды,
Как отражала их всегда.
А впрочем, может сохранится
В глубинах грустный силуэт,
Что-б в волнах снова отразиться,
Когда придет сюда поэт...

* * *

За последним городским забором,
Где поля, леса и огороды,
Где глаза любуются простором,
Начинается моя свобода.
Это слово очень любят люди,
И на все лады его склоняют.
Но другой свободы не бывает,
И, наверно, никогда не будет.

* * *

Прибита к столбику доска,
Скамеечка перед плотиной,
В порыве легком ветерка
Шумят вершинами осины,
И отражаются в пруде,
Бесшумно листьями мерцая,
И зыбь проходит по воде,
Два мира пленкой разделяя.
По водным зеркалам бегут
Серебрянным сияньем змейки,
И снова оловянный пруд
Впитал осины и скамейку,
Белея вьются облака,
На водах вспыхивают звенья,
И так летят, летят века
Божественного воплощенья.

* * *

Одна перед рассветом новым
Звезда, в преддверьи сна, горит
Мне кажется, она без слова
Своим молчаньем говорит,
О самом главном, самом страстном,
Что не постичь земным умом,
Но тайный знак лучей неясных
Я вдруг узнал, он мне знаком...
В моих глубинах меркнет тоже
Моей звезды прощальный свет,
И кажется, ничто не сможет
Ее зажечь. Исчезнет след...
Зажжет звезду и ту и эту,
Лишь тьма, переступив порог.
В чередованьи тьмы и света —
Надежды кроется залог.

* * *

Когда технический прогресс
Людей сожжет и уничтожит,
Кем будет править бедный бес?
Ему не сладко будет тоже.
Землей, как хочешь потрясай,
Нет славы твоему искусству!
Хотелось бы, конечно, в рай,
Да, ведь известно, что не пустят...
Бес будет думать: «Мертвый мир
Я создавал, взамен живого,
Был выше Бога мой кумир,
Среди творения земного»
Вот так досадывать начнет
В пустыне мира соблазнитель.
Добро посеял, зло пожнет,
В его руках добро-губитель.

Ноябрь 1980 г

* * *

По морю лодочник плывет,
Плывет один среди светил,
Веслом единственным гребет,
И выбивается из сил.
И опустились кисти рук,
Весло в уключине висит,
И лишь простор, простор вокруг
Глазами звездными глядит.
Пустыня, небо и вода,
Сиянье холоднее льда,
А берег скрылся навсегда...

* * *

Где-то птица ветку зацепила,
Лист иссохший в сумерках поплыл,
В том саду была-б моя могила,
Если-б я не верил, не любил.
Но ни веры, ни любви не зная,
Я любил и верил горячо.
Сядь со мною рядом, дорогая,
Дай склониться на твое плечо.

* * *

Решив покончить, я писал
Для полицейских объясненье
И даже, как то, сам не знал,
Что напишу стихотворенье.
Бумагу я вертел в руках,
Что-б лучше уложить в конверте,
И вдруг увидел, что в стихах
Растаяло желанье смерти.

* * *

О, если бы растаять мне,
Как дождь на солнце таял,
Все засияло в тишине,
Когда его не стало.

5 Ноября 1980 г.

* * *

Мне объясняют звон в ушах
Моим же кровообращеньем
Не правда. Я живу в сетях
Всемирного сердцебиенья.
Большие беды предстоят,
К земному раю нет дороги.
В моих ушах звенит набат
Растущей в воздухе тревоги.

* * *

Лучи сквозь тучи дождь зажгли,
И улыбается природа.
С ветвей блестящих потекли,
Расплавленные струйки меда.
И стало так светло, светло,
Что я стою, глаза зажмурив
Так, словно, весь вошел в тепло
И в блеск сияющей лазури.
Все это, Господи, твое
Нерукотворное созданье,
Вот так же точно, как мое,
Сердцебиенье и дыханье.
Я это чувствую сильней,
В мгновенья радости особой.
И знаю, что не для червей
Моя любовь и не для гроба.

* * *

Я вижу мокрую крышу,
Серого неба кусок,
По лестнице нашей, слышу,
Поднимается ветерок.
Скучно. Некуда деться,
Четыре стены, окно...
Утром надо одеться,
Раздеться, когда темно.
Осень. Без молний, без грома,
Осень, как тяжесть ярма.
Я не в тюрьме, я дома,
Но старость та же тюрьма.

Октябрь 1980 г.

* * *

Вошла красотка молодая
И беззаботности полна,
Не громко что-то напевая,
Протерла тряпкой пол она.
Лекарства, лекари, лечиться...
Какие скверные слова,
А ночью, над моей больницей
Кричит бессонная сова...
Рассвет без радости встречаю,
Как плохо много дней болеть

Нет, я еще не умираю,
Но должен скоро умереть.
А ей, певице, непонятна
Жестокой старости беда
И кажется ей необъятной
Дней проходящих череда.

Ноябрь 1980 г.

* * *

Дня теплой осени не спутать,
Ни с летним, ни с весенним днем
В любом саду, в одну минуту,
Мы свет осенний узнаем.
Хотя еще все в летнем виде,
Деревья, воды и луга,
Хотя все то же солнце видим
Цветы, дорожки, берега, —
Везде уже лежит вуалью
Тепла прощального печать
И веет тихою печалью,
Которой трудно не понять.

* * *

Казалось мне, что я иду на слом,
Что мне зимы никак не пережить.
Я жил едва, слабея с каждым днем
И начал с прошлой жизнью говорить.
Что может быть знакомых мест милей —
Тех рек, полей, лесов где ты бывал,
Громов и молний, солнца и дождей
И тех людей которых потерял.
Перестрадать Святое Рождество,
Да новый год в перчатках меховых,
Здоровье лучше, только и всего —
Осталось мне из радостей земных.

30 ноября 1980 г.

* * *

Глотаю от своей беды
Пилюль немало золотых
А сам дышу, как если бы
Бежал, как заяц от борзых.
Но дальше, дальше от греха,
Поэзия молчать должна,
И в ритме моего стиха
Работа легких не слышна.
Без этого не проживешь,
Хоть в этом смысле я хорош.

* * *

Моей жене

Люди знают о моем страданье,
Спит земля, а небеса горят.
Как прелестен этот ветер ранний...
Жизнь идет, пока не допит яд.
Ядовито к ней прикосновенье
Нет сильнее яда красоты,
Как ни странно, к жизни отвращенье
Порождает чистые мечты.
Даже и в руках Всевечных лира
Только лира может изменить
Страшное несовершенство мира,
О котором жутко говорить.
Если нас мечта совсем покинет,
Если будем видеть то, что есть,
Всякое желанье жить отхлынет,
В нашей смерти затаится месть.

Ноябрь 80 г.

* * *

Как хорошо во время бури
Былые вспоминая дни,
Следить за тучами в лазури
И видеть беглые огни.
И думать; наконец природа
Свои права назад возьмет
И непокорные народы
Потопит и огнем сожжет...

1980 г.

* * *

* * *

Стихи на новом мармеладе
Начнут выращивать едва —
В моей нетронутой тетради —
Взойдет зеленая трава.
Светило новое пригреет
Страницы райской чистоты,
И зрячий, наконец, прозреет
От повседневной слепоты.
И видя мир земной правдиво,
Он, просветленный, будет знать,
Что все, что на земле красиво —
Есть неземная благодать.
Отбросив бред научной яви,
Захочет целый мир обнять,
И будет славить, славить, славить
Лишь то, чего нельзя понять.

Ноябрь 1980 г.

* * *

Создатель ограничил сразу
Ум человеческий в длину,
Задержанный плотиной разум
Стал развиваться в ширину.
Да, так, что широта движенья
Казаться начала длиной,
Но против своего растленья
Природа двинулась войной.
И все, что выдумали люди
(Пусть даже выдумка светла)
Все чаще превращаться будет
В орудья ужаса и зла.
Борьба идет, повсюду смута,
Смятение во всех умах
Мир человеческий запутан
В своих же собственных сетях.
Используя попутный ветер,
Два демона, как рыбаки,
В свои владенья тянут сети
Из взбаламученной реки.

ЗАКЛИНАНЬЕ

О, если б слова мне
Такие найти,
Что б сделались камнем,
На вашем пути,
И что б преткновенья
На каждом шагу
Мешали движенью,
Сгибали в дугу!
Что б вас запугали
У края межи
И в глубях, и в далях
Земли мятежи.
Крутись-ураганы,
Жги — солнечный зной
Проснитесь вулканы,
Встряхните землей!
Разрушьте столицы,
Не троньте равнин,
Пусть самоубийца
Погибнет один!

Ноябрь 1980 г.

* * *

Моей России больше нет.
Россия может только сниться,
Как благотворный, тихий свет,
Который перестал струиться.
Советским людям будет жаль,
Навек исчезнувшего света,
Россия станет, как Грааль
Иль Атлантида для поэта...
Мы проиграли не войну,
Мы не сраженье проиграли,
А ту чудесную страну,
Что мы Россией называли.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Анатолий Евгеньевич Величковский, родившийся 1(14) декабря 1901 года принадлежит к поколению эмигрантских писателей и поэтов, удачно названному В. С. Варшавским в своей книге «незамеченным поколением» (в сопоставлении со старшими собратьями по перу, признанными еще в России до революции). Детство А. Величковского, хотя он уроженец Варшавы, протекло на Украине в имении отца под Елизаветградом и на Волге. Раннее соприкосновение с природой, с «нерукотворной» красотой ее творений, вероятно, и пробудили в нем страстную любовь к природе, не оставлявшую его до последних дней жизни. Эта любовь не ограничивалась воспеванием одних красот, со временем к ней присоединились трагические ноты, по мере роста «рукотворной» техники, губящей, насилующей природу. Во многих стихах его звучат ноты протеста и возмущения (Заклинанье, Куда не глянь — автомобиль,) и в других. И только в самом последнем стихотворении, начатом и незаконченным, он сознает бессилие своей борьбы:

Слова бессильны. Не спасу
 Ни светлых мест, ни речек рыбных
С природой вместе крест несу
 И с нею вместе гибну...

А. Величковского можно назвать поэтом экологом, первым поднявшим свой голос в защиту природы. Жизненный путь А. Величковского обычный путь учащейся молодежи его времени. В 17 лет он уже участвует в боях с махновцами, вступив в отряд организованный его отцом, офицером царской армии, в дальнейшем Белая Армия, эмиграция. Некоторое время

живет в Польше, потом переселяется во Францию. Тяжелый труд чернорабочего на сталелитейном заводе в Кан, в дальнейшем садится за руль ночным шофером такси — в Лионе. В Париж попадает во время войны, где и скончался 2-го января 1981 года. Первые его стихи были опубликованы в 1947 году — в сборнике стихов поэтов «Объединения молодых деятелей русского искусства и науки, в 1948 — в антологии «Эстафета» и в журнале «Новоселье». Начинающего поэта заметили и поддержали И. А. Бунин, Г. В. Иванов, Г. В. Адамович, С. К. Маковский. Благодаря стараниям последнего был издан первый сборник стихов А. Величковского «Лицом к лицу» в издательстве «Рифма» в 1952 г. С тех пор его стихи появляются во всех лучших эмигрантских журналах: «Возрождение» «Мосты», «Новый Журнал» — в газетах «Русская мысль» и «Новое Русское Слово». Стихи его также можно найти в антологиях «На Западе» 1953 г., «Муза Диаспоры» 1960 г., «Содружество» 1966 г., в «Перекрестке» 1980 г. и в «Русском Альманахе» 1981 г.

А. Величковский писал также и прозу. Его небольшие рассказы публиковались в эмигрантской печати, а повесть «Богатый» — сатира на будущее, которое уже начинает сбываться — вышла отдельной книгой в 1972 г. В 1974 году вышла вторая книга его стихов «С бору по сесенке» и в 1979 г. третья «О постороннем». Сборника его рассказов пока, увы, опубликовать не было возможности. Последние стихи, представленные в этой посмертной книге, написаны А. Величковским уже на пороге смерти, за месяц до кончины...

Р. Герра
ноябрь 81

ОГЛАВЛЕНИЕ

Imprimerie P.I.U.F., 3, rue du Sabot, Paris